

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ В ПОНЯТИЯХ ДРЕВНИХ И НОВЫХ*

Дискуссия о характере Русского государства в историографии ведется в терминах и категориях науки Нового и Новейшего времени. Для Н. М. Карамзина и его последователей главным было историко-правовое понятие самодержавия или «единодержавия», монархии как института¹. Н. В. Станкевич в 1834 г. первым подробно обосновал понятие «централизации» как сущностную характеристику Московской Руси начиная с правления Ивана III². В советской историографии понятие Русского централизованного государства стало ключевым³. В институциональном плане его определяли как сословно-представительную монархию⁴.

Среди зарубежных историков довольно рано возникла трактовка Московской Руси как империи. Многие авторы относили рождение русской имперской идеологии к заво-

* Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ, № 24-28-00538: «Понятия и категории в социально-политическом дискурсе государств Восточной Европы в Раннее Новое время».

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. V. СПб., 1819. С. 366, 376, 380–381; Дьяконов М. А. Власть московских государей. Очерки по истории политических идей Древней Руси до конца XVI века. СПб., 1889; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М., 2005. С. 181–192.

² Станкевич Н. В. О причинах постепенного возвышения Москвы до смерти Иоанна III // Ученые записки Московского университета. 1834. Ч. 5. С. 29–55.

³ Очерки истории СССР. Т. V: Период феодализма. Конец XV – начало XVII вв. М., 1955. С. 101; Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960.

⁴ Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969; Шмидт С. О. Становление российского самодержавства. Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1973; Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 36.

еванию Казани 1552 г.⁵ Однако некоторые исследователи пошли дальше, и считали, что любое присоединение территорий Москвой есть имперский акт. Тогда корни имперской политики надо искать раньше, в политике Калитичей, объединявших русские земли вокруг Москвы. Наиболее обстоятельно эта мысль была обоснована в объемной книге Н. Коллманн⁶.

Определение Московской Руси как империи вытекало из ее названия таковой в европейских источниках Нового времени⁷, ее квалификации как многосоставного полинационального государства с сильным государственным центром и воинственной внешней политикой. Сильное воздействие на эту концепцию оказала дискуссия о влиянии Византии и Золотой Орды на характер русской государственности. Ее главный вопрос был сформулирован М. Чернявским: русский великий князь (далее — государь, царь) — это в идейном и институциональном плане наследник власти ордынского хана или византийского василевса?⁸ Поскольку и Византия, и Орда были средневековыми империями, то логично было предположение о заимствовании именно у них Русью имперских традиций.

В последнее время, в связи с развитием взгляда на Европу Раннего Нового времени как Европу композитарных монархий, развернулась полемика, можно ли применить ее к истории Российского царства⁹. Настоящая статья призвана продолжить эту дискуссию.

⁵ *Lamb H.* The March of Muscovy: Ivan the Terrible and the Growth of the Russian Empire: 1400–1648. New York, 1948; *Backus O.* Was Muscovite Russia Imperialistic? // *The American Slavic and East European Review*. 1954. Vol. 13. N. 4. P. 522–534; *Pelensky J.* 1) Muscovite Imperial Claims to the Kazan Khanate // *Slavic Review*. 1967. Vol. 26. Pp. 559–576; 2) *Russia and Kazan: Conquest and Imperial Ideology (1438–1560s)*. Mouton, 1974; *Hosking G.* Russia: People and Empire 1552–1917. Cambridge, 1997; *Lehtovirta J.* Ivan IV as Emperor: The Imperial Theme in the Establishment of Muscovite Tsardom. Turku, 1999; *Hellie R.* The structure of Russian imperial history // *History and Theory*. 2005. Vol. 44. No 4. P. 88–112; *Romaniello M. P.* 1) Ethnicity as Social Rank: Governance, Law, and Empire in Muscovite Russia // *Nationalities Papers*. 2006. Vol. 34. No. 4. P. 447–469; 2) *The Elusive Empire: Kazan and the Creation of Russia, 1552–1671*. Madison, 2012; *Филюшкин А. И.* Московская неонатальная империя: к вопросу о категориях политической практики // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История*. 2009. Вып. 2. С. 5–20.

⁶ *Коллманн Н.* Россия и ее империя. 1450–1801. Бостон; СПб., 2023.

⁷ Например: *Дипломатическая переписка Ивана Грозного. Т. 1. Кн. 1. М., 2024* (далее — *ДПИГ*). № 64. С. 187. Термины «император» и «империя» применительно к России неоднократно встречаются в записках иностранцев XVI–XVII вв.

⁸ *Cherniavsky M.* Khan or Basileus: An Aspect of Russian Mediaeval Political Theory // *Journal of the History of Ideas*. 1959. Vol. 20. No 4. P. 459–476.

⁹ *Sashalmi E.* Russia as a Fiscal-Military and a Composite-Dynastic State, 1654–1725 (An Outline) // *State and Nation in Russia and Central-East-Europe*. Budapest, 2009. S. 1–13; *Lipich T.I., Penskoj V. V. et al.* The Reign of Ivan the Terrible: From «Patrimonial State» to «Composite Monarchy» // *The Social Sciences (Pakistan)*. 2016. Vol. 11. P. 2421–2424; *Yun-Casalilla B.* Iberian World Empires and the Globalization of Europe 1415–1668. Singapore: Palgrave Macmillan, 2019; *Filyushkin A.* Why Did Russia Not Become a Composite State? // *Russian History*. 2020. Vol. 47. P. 201–223; *Кром М.М.* Несколько замечаний по поводу концепции «композитной монархии» и ее применимости к Московскому государству конца XV–XVI в. // *Canadian-American Slavic Studies*. 2022. Vol. 56. P. 461–478.

Прежде чем спорить, необходимо договориться о предмете полемики. То есть о том, что такое композитарная монархия. На наш взгляд, эвристический потенциал концепции композитарной монархии в том, что она обращает внимание на особый характер отношений центра и региональных элит в некоторых государствах раннего Нового времени. А именно — на специфический путь объединения земель под властью короны, который можно определить как: «сила через слабость». Монарх, присоединяя новые территории, ограничивает свою власть в пользу прав и свобод регионов. Он делится с ними полномочиями через создание сословно-представительных органов с обязательным региональным компонентом, классический пример — испанские кортесы или сеймики земель Речи Посполитой. Особая налоговая политика оставляет часть собранных финансов в регионах, а экстраординарные поборы центра возможны только через санкцию вышеупомянутых представительных органов. Существуют разные варианты локального судебного иммунитета, особой подсудности для жителей присоединенных регионов. То же касается разных видов несения общегосударственных повинностей, воинской службы и т. д. — везде значительным является фактор учета интересов регионов.

Такое государство представляет собой особый тип — оно слабое в плане вертикали власти. Но его сила в его слабости — в нем нет сепаратизма из-за отсутствия негативного влияния центра на регионы, создания иллюзии, что с локальными группами считаются (что активно поддерживается соответствующей политической и правовой риторикой). Регионы не подчинены, а заключают что-то вроде негласного договора с центром (впрочем, он может быть и официальным). Поэтому они не подвержены сепаратизму и чувствуют себя в составе композитарной монархии гораздо комфортнее, чем при империи или унитарном государстве. Наиболее благодетелен такой режим для дворянства, недаром классические композитарные монархии XVI–XVII вв. (Испания, Речь Посполитая) выдавали прирост дворянского сословия, до 10 % населения, чего не наблюдалось в других странах.

В этих принципах суть и смысл концепции композитарной монархии применительно к истории Европы XV–XVII вв. Они объясняют, почему, объединив многие народы и политические субъекты, Речь Посполитая не превратилась в империю, а оказалась уникальным в политическом плане государственным образованием в Европе. Они также раскрывают многие особенности истории испанской и британской монархий. Они демонстрируют потенциал таких композитарных государств, которые обеспечивают комфортную жизнь аристократии (вплоть до элементов дворянской республики), развивают правовые отношения, социальные структуры, культуру, но при этом слабы перед социальными и внешнеполитическими вызовами (которые в итоге и разрушили Речь Посполитую)¹⁰.

¹⁰ Подробнее см.: *Koenigsberger H. G. Monarchies and Parliaments in Early Modern Europe* *Dominium Regale or Dominium Politicum et Regale* // *Theory and Society*. 1978. Vol. 5. No 2. P. 191–217; *Elliott J. A Europe of Composite Monarchies* // *Past & Present*. 1992. No 137. The Cultural and Political Construction of Europe. P. 48–71; *Russel C. Composite monarchies in Early Modern Europe. The British and Irish example* // *Uniting the kingdom? The Making of British History* / Ed. by A. Grant, K. Stringer. London, 1995. P. 133–146; *Kumar K. Nation-states as empires, empires as nation-states: two principles, one practice?* // *Theory and Society*. 2010. Vol. 39, No. 2. P. 119–143; *Федоров С. Е. Раннестюартовская монархия и ее композиты* // *Мнемон*. Вып. 12. 2013. С. 473–484; *Backerra Ch. Personal union, composite state and «multiple rule»* //

На наш взгляд, понятие «комполитарная монархия» надо рассматривать прежде всего с этого угла зрения. Если мы на первый план выдвигаем многосоставность, пренебрегая социально-политической составляющей, то понятие теряет смысл. В общем-то все государства раннего Нового времени были в той или иной форме многосоставными, меняли свои границы, вбирали в себя новые территории и т. д. Но принципы отношений центра и регионов были разными: империя, унитарное государство, комполитарная монархия. И для исторического анализа нужно рассматривать прежде всего эти принципы, насколько регионы в составе единого государства теряли свою субъектность и унифицировались, а насколько и в каких видах (правовом, фискальном, социальном, религиозном, культурном и т. д.) ее сохраняли. В этой области понятие комполитарной монархии имеет несомненное эвристическое значение. Расширение и переформатирование понятия ведет к утрате этого значения. Получается, что все многосоставные государства на определенном этапе были комполитарными монархиями, от Золотой Орды до Османской империи — тогда зачем для их обозначения нужен новый термин, который не несет уникального эвристического потенциала?

Несомненна изменчивость и текучесть этих принципов, и поэтому комполитарная монархия в истории — это довольно краткий эпизод. Если мы обращаемся к уже неоднократно упоминавшемуся примеру Речи Посполитой, то о «чистой» комполитарной монархии можно говорить применительно к XVI в., от Радомской конституции 1505 г. до Брестской унии 1596 г. Порожденные Брестской унией «казацкие войны» начала XVII в. уже нарушили принципы комполитарности, почему в историографии представлены дискуссии, не превратилась ли Речь Посполитая в империю, как говорили поляки в XVII в., с «нашей Индией» — Украиной¹¹. Нарушение принципов быстро породило сепаратизм хмельниччины и Кейданской унии Януша Радзивилла. Хотя комполитарная система сохранялась фактически до разделов Польши 1772–1795 гг., но она уже явно не справлялась с вызовами времени, и из фактора развития и стабильности государства превратилась в источник кризисов и дестабилизации, в конце концов с фатальным историческим исходом.

Попытаемся привести несколько наблюдений, как современники — жители Московской Руси — понимали, где они живут, в каких понятиях и категориях определяли свой мир. И посмотрим, можно ли найти в этих понятиях черты комполитарной монархии, или иной многосоставной общности.

* * *

Начнем с анализа терминологии, прилагаемой к изучаемой территории. Можно ли в этих названиях усмотреть что-то большее, чем чисто географическую привязку? Применительно к позднему Средневековью, накануне возникновения Российского государства, современники называли пространство, которое мы сегодня именуем Восточной

The Routledge History of Monarchy. London; New York, 2019. P. 89–111; *Паламарчук А. А., Федоров С. Е.* Конструирование средневековые территориальные автономии: Реальность и дискурсы раннего Нового времени // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 2021. Вып. 75. С. 394–402.

¹¹ *Nowak A.* Od Imperium do Imperium. Spojrzenia na historię Europy Wschodniej, Kraków, 2004. S. 337–355; *Граля И.* «Не-империя»: Великое княжество Литовское в польской исторической памяти // *Ab Imperio*. 2004. № 4. С. 491–506.

Европой, Русью, Русской землей (Русскими землями). Ей правили «русские князья»¹². Географически ее границы обозначены в «Слове о погибели Русской земли» — это территория «...от угров и до ляхов, до чехов, от чехов до ятвягов, от ятвягов до литовцев, до немцев, от немцев до карелов, от карелов до Устюга, где обитают поганные тоймичи, и за Дышащее море; от моря до болгар, от болгар до буртасов, от буртасов до черемисов, от черемисов до мордвы»¹³. То есть пределы Руси очерчены ареалами обитания нерусских и неправославных народов. Перед нами географическое понятие.

Тот же географический принцип мы видим в «Списке русских городов дальних и ближних» (рубеж XIV–XV вв.), где наименования земель даны сугубо по территориальному признаку¹⁴. То же географическое разделение великокняжеской вотчины мы видим в ее разделах по духовным и договорным грамотам Калитичей. Там нет земель — политических субъектов. Есть города и села, когда-то входившие в чьи-то вотчины, а теперь перераспределяемые верховной властью без всяких попыток сохранить субъектность бывших княжений и земель. По мере вхождения бывших княжеств и земель в великокняжескую вотчину их происхождение стиралось, и они превращались в территориальные единицы. Этот процесс получил отражение в духовной Василия II (1462), где перечислены («с волостями»): Москва, Коломна, Владимир, Калуга, Переславль, Кострома, Галич, Устюг, Вятская земля, Суздаль, Нижний Новгород, Муром, Боровск, Калуга, Дмитров, Можайск, Бежецкий верх, Волок Ламский, Ростов¹⁵. Многие из этих земель — бывшие княжения, но перечисляются в грамоте без этого статуса, а просто как территории под властью великого князя.

Примечательно, что случаи употребления терминов «Русь», «Русские земли» в княжеских документах XIV–XV вв. (докончаниях, завещаниях) единичны. Для князей важнее понятие вотчины, великого княжения, персонифицированного в сюзерене. Но «Русь» возникает только в случаях, когда требуется внешнее противопоставление — с Ордой¹⁶.

В то же время, с древнерусского времени мы можем говорить о духовной общности, единстве православных христиан, воплощенной в понятии «Русь»¹⁷. Именно в нем сохранялось представление о единстве «всей Руси» во времена существования на данном пространстве множества суверенных княжеств и земель, что воплощалось

¹² Докончание великого князя Дмитрия Ивановича с великим князем рязанским Олегом Ивановичем, 1382 г. // Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950 (далее — ДДГ). № 10. С. 30.

¹³ Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965.

¹⁴ Тихомиров М. Н. «Список русских городов дальних и ближних» // Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 83–137, 357–361. — Попытку найти в Списке некую «всю Русь» надлежит признать малоубедительной (Peltz W. Suwerenność państwa w praktyce i doktrynie politycznej Rusi Moskiewskiej XIV–XVI w. Wyższa Szkoła Pedagogiczna im. Tadeusza Kotarbińskiego w Zielona Góra, 1994. S. 20–25, 36–42).

¹⁵ ДДГ. № 61. С. 193–195.

¹⁶ Русь в понимании современников отличалась от Орды (ср.: «Добра вы мне хотети во всем, в Орде и на Роуси», Докончание великого князя Василия Дмитриевича с великим князем тверским Михаилом Александровичем, 1390 г. // ДДГ. № 15. С. 41), то есть политическое подчинение не означало вхождение в состав Орды как империи.

¹⁷ Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М., 1998. С. 171–178.

в появлении в XIII в. определения «всая Руси» в титуле митрополита¹⁸. Но единство православной церкви, являвшееся духовной скрепой для территорий от Юрьева Ливонского до Тмутаракани, при всех дроблениях и завоеваниях, в XIV–XV вв. оказывается разрушенным из-за нарастания противостояния с церковью Великого княжества Литовского, после нескольких попыток добившегося создания своей православной митрополии (Новогрудской, затем Виленской), не подчиняющейся Москве. Константинопольский патриархат, который мог бы выступить инстанцией, регулирующей сепаратистские процессы, после Флорентийской унии 1439 г. утрачивает свое влияние, а в 1448 г. Московская митрополия становится автокефальной.

Это была схизма православного мира, которая привела к тому, что люди, называвшие себя *русь*, *русские*, *русьские*, *русины*, *русские* оказались в разных странах, Российском государстве (царстве) и Великом княжестве Литовском и Русском (затем Речи Посполитой). Именно тогда выражение «всая Руси» начинает употребляться как символ былого русского единства. В послании митрополита Ионы киевскому князю Александру Владимировичу (1449–1454) говорится, что во времена «святого самодержца всея Русския земля великого князя Владимира на Киеве» митрополит ставился на всей Русской земле, и сейчас под властью митрополита «всая Руси» ее надо объединить¹⁹.

Предполагаем, что именно ситуация с Константинопольским патриархатом, Киевской митрополией XIV–XV вв. и образованием в Великом княжестве Литовском Галицкой, Новогрудской и Виленской митрополий послужила для Москвы наглядным уроком: хотите удержать державу в своих границах — не допускайте сепаратизма, образования отдельных властных структур в регионах. Максимальная централизация и суверенитет — единственный работающий рецепт, иначе — схизма, раскол, распад, и — появление врагов, которые будут рвать страну на куски (Флорентийская уния и наступление «латинян» тому подтверждение). В исторической травме схизмой лежат корни многих русских политических парадигм: централизация и суверенитет как непререкаемые позитивные ценности, сепаратизм и «альтернативные пути» как столь же однозначно негативные явления. То же касалось соблюдения верности православной доктрине, отрицание ее малейших эволюций, вплоть до косности взглядов как добродетели. Русь не стремилась к новым духовным идеям, рассматривая любое отклонение от благословленного «старинной» порядка как «оставление истины». А оно ведет к гибели государства, как Флорентийская уния привела к гибели Константинополя²⁰. Эта оптика определяла характеристики политической культуры Москвы довольно продолжительное время.

Понятие «всая Руси» является ключевым для изучаемой темы как собирательное, полностью отвечающее определению «исторического понятия» Р. Козеллека: с одной стороны, оно является производным исторического опыта, с другой — задает программу, цель, мотивацию развития. Первым великим князем владимирским и «всая Руси» титуловался тверской князь Михаил Ярославич в 1305–1317 гг. Примерно в это

¹⁸ Горский А. А. Русские земли в XIII–XIV вв.: Пути политического развития. М., 1996. С. 45–46.

¹⁹ Послание митрополита Ионы киевскому князю Александру Владимировичу, сер. XV в. // АИ. Т. 1. С. 95. № 47.

²⁰ АИ. Т. 1. № 281. С. 514, 517.

же время выражение «всая Руси» входит в митрополичий титул²¹. Далее титул «всая Руси» встречается в актах Ивана Калиты²², докончании Дмитрия Ивановича с Новгородом в 1371/72 гг.²³, договоре с Новгородом Василия I в 1435 г.²⁴ *Великими князьями всея Руси* в Ялжебицком договоре 1456 г. названы и Василий II, и его сын, будущий Иван III²⁵. В данный период понятие «всая Руси» символизировало не политические амбиции Москвы объединить все земли Древней Руси, а претензию на возвышение великих князей владимирских (с 1370-х гг. ими становились исключительно представители московского рода Калитичей) над остальными князьями. Это сочеталось с переходом на великого князя московского части митрополичьей харизмы в связи с переносом в Москву митрополичьего стола.

Присоединение Великого Новгорода в 1471–1478 гг. придало идее «всая Руси» новое звучание. Интенсификация употребления титула «всая Руси» прослеживается с 1462–1464 гг. исключительно в грамотах, адресованных в Новгород, содержащих апелляцию к его подчиненности великим князьям владимирским, то есть к его принадлежности великим князьям как их вотчине. За немногими исключениями, большинство известных нам жалованных, судных, указных грамот в 1462–1479 гг., относящихся к другим местностям, не содержит определения «всая Руси». С 1479 г., т. е. после окончательного присоединения Новгорода, понятие «всая Руси» начинает применяться во многих документах, адресованных в разные регионы, декларируя власть великого князя по всему подчиненному ему пространству²⁶. В этом можно усмотреть наметившийся переход от понятия «вотчины» к «государству всея Руси», если использовать терминологию А. Л. Хорошкевич.

Понятие «всая Руси» в конце XV–XVI вв. стало предметом полемики дипломатов Великого княжества Литовского, Крымского ханства, Священной Римской империи. При выходе с этой титулатурой на международную арену Россия столкнулась с его концептуализацией, причем далеко не всегда она исходила от русской стороны. Понимание «всая Руси» как политической программы по объединению территорий древнерусского наследия было предложено в 1488 г. германским имперским послом Н. Поппелем²⁷, и должно рассматриваться в контексте противостояния Габсбургов и Ягеллонов в конце XV в., когда Вена пыталась активно втянуть Москву в антиягеллоновские коалиции на своей стороне.

²¹ Дьяконов М. А. Кто был первый великий князь всея Руси? // Библиограф: Вестник литературы, наук и искусства. 1889. № 1. С. 17; Сергеевич В. И. Древности русского права. СПб., 1909. Т. 1: Территория и население. С. 97–98; Горский А. А. Русские земли... С. 45–46.

²² Грамота великого князя Ивана Даниловича Печерским сокольникам Жиле и другим об освобождении их от даней и некоторых повинностей, 1328–1341 гг. // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949 (далее — ГВНП). С. 142. № 84.

²³ Договорная грамота великого князя Дмитрия Ивановича с Новгородом о взаимной помощи // ГВНП. С. 31. № 16.

²⁴ Договорная грамота Великого Новгорода с великим князем Василием Васильевичем о мире // ГВНП. С. 34. № 19.

²⁵ Договорные грамоты Великого Новгорода с великим князем Василием Васильевичем о мире в Ялжебицах, февраль 1456 г. // ГВНП. С. 39. № 22.

²⁶ Филюшкин А. И. Титулы русских государей. М.; СПб., 2006. С. 167–168.

²⁷ Материалы приема имперского дипломата Н. Поппеля, 1488 г. // Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 1. СПб., 1851. Стб. 2–3, 11.

Идея «всея Руси» как концепция собирания бывших земель Древней Руси под властью Москвы, прежде всего возврата Киева, сильно пугала Великое княжество Литовское, которое хоть и признавало за Рюриковичами титул «всея Руси» в «вечном мире» 1494 г.²⁸, при малейшей возможности старалось подчеркнуть, что речь идет только о «той Руси», которая под властью московских князей, и не касается русинских земель ВКЛ, в том числе Киева, Смоленска, Полоцка и т.д. Спустя десятилетие, к 1503–1504 гг. русская дипломатия формулирует идею:

«их [Ягеллонов] отчина — Лятская земля да Литовская... вся Русская земля, Киев, и Смоленск, и иные города, которые он [Александр] за собою держит к Литовской земле, с Божьей волею, из старины, от наших прародителей наша отчина... и коли похочет с нами брат наш и зять Александр король и великий князь быти в братстве и в любви и в прочной дружбе, и он бы нам наши отчины, Русские земли всея, Киева и Смоленска и иных городов, кои держит к Литовской земле, отступился»²⁹.

То есть определение «всея Руси» начинает превращаться в историческое понятие по Р. Козеллеку: оно основано на историческом опыте (древнерусское наследие) и одновременно программирует будущее (программа объединения русских земель вокруг Москвы). Правда, этот процесс был довольно долгим: только в 1566 г. русские дипломаты объявляют незаконным присвоение ВКЛ бывших русских территорий, а действия Ивана Грозного по их возврату — восстановлением справедливости (причем применительно к средневековому периоду, который задним числом объявлен «грехом» литовских князей)³⁰. То есть понятие «всея Руси» трансформируется в декларацию исторической преемственности Руси от древнего до современного государства, и воссоздание этого единого государства становится целью и смыслом существования Российского царства.

Но разве это представление о государстве можно квалифицировать как идею композитарной монархии? Перед нами концепция строительства своей страны как реализации права исторического наследия, возвращения потерянного и возврата к благословенной старине, великой православной «всей Руси» равноапостольного Владимира Крестителя и Св. Ольги. Мы возвращаем свои земли, собираем рассыпавшуюся Русь, но эти части по праву наши, и совершенно неважно, какая у них сейчас принадлежность, политическая субъектность и т.д. — она все равно неправильная, незаконные захваты Ягеллонов. Такие идеи можно сблизить с имперским дискурсом, но отнюдь не с идеей объединения под эгидой монарха равноправных частей государства. Это разная политическая философия.

В каких терминах современники трактовали сущность и статус той или иной территории в составе «всея Руси»? Как менялись эти трактовки? Можно ли здесь увидеть признаки композитарной монархии? До последней трети XV в. мы видим вотчинный принцип: территория персонифицируется в ее сюзерене (в случае с Новгородской республикой сюзереном выступает Новгород). Для этого применяются термины «господарство» («кто

²⁸ Речь московских бояр перед литовскими послами В. Яновичем и С. Яновичем, 23 января 1494 г. // СИРИО. Т. 35. СПб., 1882. С. 114–115; Докончальная грамота между Иваном III и великим князем литовским Александром, 5 февраля 1494 г. // Там же. С. 125.

²⁹ Материалы переговоров в Москве с посольством С. Глебова, 5 марта 1504 г. // Там же. С. 460.

³⁰ Материалы переговоров с посольством Ю. Ходкевича, 9 июня 1566 г. // СИРИО. Т. 71. СПб., 1892. С. 357

на Московском *господарстве* будет»³¹), «княжение» («перезовет людей из иных княжений, а не из моей отчины из великого княжения») ³², *земля*. Также как второстепенные территориально-административные единицы фигурируют *волости*, *пути*, *уезды*.

В политическом плане эти территории — владения князей, среди которых существует определенная иерархия (*великий князь* / *князь*, *брат старейший* / *брат молодший*). Между князьями, а также между князьями и землями (такими, как Новгородская) существовали договоры (докончания), в которых оговаривались взаимные обязательства и иммунитеты. Вопрос о системе этих договорных отношений в науке проработан не до конца. В основном они рассматривались через призму феодализации (работы Л. В. Черепнина)³³ и централизации вокруг возвышающихся будущих потенциальных центров объединения русских земель (Москвы, Твери и т. д., работы В. А. Кучкина)³⁴. Между тем, мало разработан вопрос о статусе великого князя владимирского, отношениях великого князя и просто князя, соотношении его власти и власти других великих князей (которые упоминаются в Смоленске, Рязани, и даже в Новгороде, где князь был приглашенным военачальником, и не имел политической власти)³⁵.

Любопытно, что статус «великого княжения» при попадании под власть Москвы не играл никакой роли, зато подчинение ряда земель великому князю московскому повышало их статус до великокняжеского. В договоре 1494 г. Ивана III с великим князем литовским Александром Ягеллончиком разные земли, подчиненные Москве, называются «великими княжствами», хотя они никогда ранее не имели такого статуса (Новгород, Псков)³⁶. Позже этот термин встречается в докончаниях, когда требуется описать великокняжескую вотчину. Так, в договоре Василия III и Юрия Дмитровского (1531) «великими княжствами» названы: Владимирское, Московское, Новгородское, Псковское, Смоленское, Тверское, и все они — вотчина Василия, поскольку ими благословил его отец, Иван III³⁷ (что неточно, потому что и Псков (1509), и Смоленск (1514) были присоединены уже после смерти Ивана, зато эти земли частично подчинялись великому князю владимирскому, власть которого наследовали Калитичи).

Перемены начинаются, когда центру требуется урегулировать отношения с присоединяемыми землями на новых принципах. С присоединением княжений все было

³¹ Жалованная грамота Дмитрия Ивановича Троице-Сергиеву монастырю, 1363–1389 гг. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографической Экспедицией. Т. 1. СПб., 1836 (далее — ААЭ). № 7. С. 3

³² Жалованная грамота Василия Дмитриевича Спасо-Благовещенскому монастырю, 1423 г. // ААЭ. Т. 1. № 21. С. 7.

³³ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М.; Л., Т. 1–2. 1948–1951.

³⁴ Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.

³⁵ В. Д. Назаров считает, что эта система нивелировалась к 1389 г., когда титул «великих князей владимирских» закрепился за Калитичами, и «образовалась система равностатусных княжений-государств» (Назаров В. Д. Служилые князья Северо-Восточной Руси в XV веке // Русский дипломатический. Вып. 5. М., 1999. С. 178). Однако статус княжества / земли регулировался не только ее отношением к великому княжению владимирскому, но и межкняжескими докончаниями, и и здесь нельзя говорить о «равностатусности», скажем, Москвы, Твери и Рязани. О формальном суверенитете — да, но не о равенстве на политической карте.

³⁶ ДДГ. № 83. С. 329–332.

³⁷ ДДГ. № 101-б. С. 418.

понятно, сюзерен принимал власть и либо присоединял к своему двору двор покоренного княжества, либо «перебирал людишек» и менял элиту, в основном путем переселений и пожалований. Вопрос о времени распространения крестоцелования населения, принесения присяги на верность, в данном случае уведет нас в сторону, но в изучаемый период такая присяга, несомненно, практиковалась.

Ситуация принципиально меняется в связи с присоединением Великого Новгорода, потому что новгородский князь не был удельным. Сюзереном выступала городская республика с набором прав, гарантий и привилегий. Причем эти права и иммунитеты оговаривались в различных соглашениях новгородцев с внешними контрагентами, то есть их защита была атрибутом новгородской политической культуры. Если их просто зачеркнуть, нельзя было рассчитывать на лояльность бывлой республики. Если подавить взбунтовавшуюся верхушку, а с остальной элитой договориться, проблем с присоединением можно попробовать избежать. Тем более что проектом договора с королем Казимиром (1470) эта элита продемонстрировала готовность к обмену суверенитета республики на сохранение корпоративных привилегий.

Примечательно, что первый договор Ивана III с Новгородом (1471) по ряду принципиальных позиций сходен с проектом соглашения с Казимиром. И эти совпадающие пункты как раз похожи на атрибуты композитарной монархии, поскольку закрепляют в отдельных аспектах новгородский административный и судебный иммунитет. Заметим также, что в 1477 г. псковичам было предоставлено право святительского суда, то есть по сути местного судебного иммунитета в церковно-юридической сфере³⁸. Но это единственный случай, и он не получил никакого развития. И эти «куцые» фрагменты композитарности были ликвидированы после 1478 г., окончательной ликвидации вечевой республики Иваном III. Уже передача Новгородом великому князю прав на отдельные территории бывшей Новгородской земли осуществляется по вотчинному принципу, без сохранения каких-либо полномочий местных элит.

Примечательно, что абсолютно все жалованные грамоты великих князей в регионы содержат имущественные пожалования, административный, фискальный и судебный иммунитет, различные экономические и правовые льготы. Но это движение одностороннее, из центра в местные локации. Ни одна грамота не упоминает обратного движения: чтобы льгота выражалась в выдвижении представителей местной элиты в стольный град, в государев двор, в Боярскую думу, в какие-то центральные органы власти.

Максимум, что могли получить местные элиты — это обещание сохранения их на локальных мелких постах, незамену их на назначенцев из центра. Но эта льгота могла вытекать не из игры в лояльность центральной власти, которая «бросала кость» местным, а из простой ситуации кадрового голода — ни в какой Москве не нашлось бы такого количества порученцев, чтобы сменить управленцев в регионах страны сверху донизу. Их оставляли на мелких должностях, мало того, губная и земская реформы 1530-50-х гг. стимулировали местное дворянство и даже зажиточное черносошное крестьянство и горожан к выборам в состав губных и земских органов. Но это не льгота для регионов, не обеспечение их прав, а экономия, рациональность, попытка решить вопросы сыска и суда по мелкомасштабным делам, переложив расходы с центра на места. Перед нами скорее эксплуатация социального и экономического регионального ресурса, чем оформление прав земель и волостей.

³⁸ Акты исторические. Т. 1. СПб., 1841 (далее — АИ). № 284. С. 520.

Но это совсем не композитарная монархия, это больше похоже на империю, которая всегда ограничена в центральном административном ресурсе (в каждое поселение наместника с командой судебных и фискальных исполнителей не пришьешь, просто нет столько людей в центральном имперском аппарате власти), и охотно прибегает к услугам местных элит для решения политически малозначимых вопросов, если эти элиты демонстрируют лояльность в обмен на экономические и социальные льготы.

Во второй половине XV – XVI вв. Российское государство начинает мыслиться как принципиально многосоставное, но объединенное под властью центра. В грамоте новгородского архиепископа Феодосия по случаю готовящегося царского венчания (конец 1546 – начало 1547 г.) говорится: «Слух, государь, доходит мне, богомолцу твоему, что ты, государь, по преданию древних великих царей, хощеши прияти государьское поставление на царство Руския земли и иных государств, Богом врученных тебе»³⁹.

Но ведь многосоставность сама по себе не тождественна композитарности. Империя тоже многосоставна, мало того, любое государство, более-менее значительное по территории, всегда многосоставно в своем политогенезе. Нам кажется, что главным критерием здесь должен быть не факт наличия объединения многих земель как таковой, а вопрос, как позиционируются регионы в многосоставном государстве. Если их перечень призван прославлять центральную власть, показывать, скольких она покорила и присоединила и тем возвеличилась — перед нами путь к империи. И Иван IV, провозглашая себя «царем Казанским» и «царем Астраханским», декларировал именно собственное могущество, сколько царств собрались под его «высокую руку». Если множество регионов призвано в первую очередь показать богатство и разнообразие страны, а фигура монарха выступает не более чем «общей фигурой», вокруг которой объединяются регионы, в какой-то степени сохраняющие свою субъектность — перед нами композитарная монархия. Это случай Речи Посполитой, особенно ярко проявляющийся в «золотой век Ягеллонов», т.е. первой половине и середине XVI столетия, и достигающий апофеоза между Люблинской и Брестской униями⁴⁰.

О том, что многосоставность Российского государства XVI в. была в первую очередь политическим дискурсом, а не вытекала из практики объединения разных земель, говорит искусственность этой модели. Это отражалось в формировании владельческого титула. Он впервые упоминается в 1449 г.: «князь великий Василей Васильевич Московский, и Новгородский, и Ростовский, и Пермский, и иных»⁴¹. Титул Ивана III звучит уже более развернуто: «Божьей милостью, великий осподарь Русские земли, велики князь Иван Васильевич, царь всеа Руси, Володимерьски и Московски и Новго-

³⁹ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией Т. 1. СПб., 1846. № 38. С. 40.

⁴⁰ Композитность Речи Посполитой испортила Брестская уния 1596 г., вызвавшая конфликт православных русинов и униатов. Последовавшие затем казацкие войны раскололи общество, а их подавление подорвало те композитарные принципы, на которых до сих пор строилась политическая система Речи Посполитой. Это приведет к началу распада страны, сепаратистскому восстанию Б. Хмельницкого. Композитарная монархия погибает тогда, когда ее части не хотят в ней находиться. А ресурсов для подавления сепаратизма у нее нет, в отличие от империи.

⁴¹ ДДГ. С. 160. № 53; Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1. СПб., 1846. С. 62. № 50.

родски и Псковски и Югорьски и Вятски и Пермьски и иных»⁴². Анализ соотношения истории земли, упоминаемой в титуле, с обстоятельствами ее попадания в титул демонстрирует нам в большинстве случаев неисторичность: земля присоединялась в иные годы и при иных обстоятельствах, чем когда она попала в титулатуру⁴³. Поэтому кажется правильной мысль В. О. Ключевского, который говорил, что изменения в великокняжеском титуле — «это целая политическая программа, характеризующая не столько действительное, сколько искомое положение»⁴⁴. А. Л. Хорошкевич также отметила, что появление названия той или иной земли в титуле было «...не столько фиксацией существующего положения, сколько притязанием на будущее»⁴⁵.

Однако анализ документов показывает, что ситуация в большинстве случаев обстоит ровно наоборот это не «притязание на будущее», а что-то вроде «притязания на прошлое», «изобретения традиции». Земля присоединена, многие десятилетия под властью великого князя московского, а потом он вдруг вспоминает об этом и включает ее в свой титул. Особенно это видно на примере реформы титулатуры при Василии III, который включил в титул 10 (!) новых владетельных определений, хотя реально им соответствовало в годы его правления только присоединение Смоленска (1514) и Рязани (1521). Все остальные приобретения великокняжеского дома были сделаны раньше (вплоть до XIV в.)⁴⁶. Однако в титул их вписали только при Василии III.

Перед нами явное изменение оптики взгляда на собственное государство, на историю объединения земель и на сущность этого государства, атрибутивным признаком которого теперь выступает его собирательный характер. В него прекрасно вписываются (и этим же собирательным движением оправдываются) «возвращение» в XVI в. Казани (в «Казанской истории» преподносимое как возврат русских земель), Астрахани (освобождена как исконная русская земля, «древняя Тьматорокань»), Полоцка и даже Ливонии (Дерпт / Юрьев основан Ярославом Мудрым, это «наши земли»). Только является ли такой политический дискурс признаком композитарной монархии? Скорее речь идет о провозглашении собственной мощи и величия за счет победы над множеством противников, их покорения и возврата, воссоединения некогда утраченных владений.

Думается, что царский владетельный титул во многом был декларацией, идеальной моделью, не сколько отражавшей какие-то реалии русской истории, столько демонстрирующий, что русский царь с его пышным титулом объединил «в своей руке» многие земли, и этим ничуть не ниже, чем император Священной Римской империи, чей многосоставный титул тщательно прописывался в документах. И куда выше короля Польского, чей владетельный титул значительно короче. Но провозглашенная в титуле многосоставность / композитность — отражение не реалий устройства государства, а борьбы дискурсов, прежде всего в европейском дипломатическом контексте. При-

⁴² Грамота Ивана III в Кафу к Захарье Скарье, 14 марта 1484 г. // СИРИО. Т. 41. СПб., 1884. С. 41; Грамота Ивана III в Крым к Хозе Асану, июль 1485 г. // Там же. С. 45.

⁴³ *Филошкин А. И.* Титулы... С. 197–200, 207.

⁴⁴ *Ключевский В. О.* Курс русской истории // *Ключевский В. О.* Сочинения. М., 1957. Т. 2. С. 122.

⁴⁵ *Хорошкевич А. Л.* Отражение представлений о регионах государства всея Руси и Российского царства в великокняжеской и царской титулатуре XVI вв. // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. 2004. Bd. 63. С. 105.

⁴⁶ Примеры см.: *Филошкин А. И.* Титулы... С. 202–207.

мечательно, что перед крымскими татарами пространной владетельной титулатурой козыряли в гораздо меньшей степени, пользовались сокращенными вариантами. Это было явно связано с тем, что Крымское ханство до 1578 г. не признавало титула «всех Руси», то есть козырять перед ним количеством покоренных русских земель было дипломатической бестактностью и не способствовало бы переговорам.

О том, что многосоставность была не сколько фиксацией факта объединения многих земель, столько дискурсом, рисуящим образ Русского государства по заданным политическим лекалам, свидетельствует феномен фиктивных наместничеств. На переговорах с Великим княжеством Литовским русским участникам переговоров в посольских документах присваивался статус наместника («державцы» в литовском варианте) той или иной земли: Новгородской, Тверской, Ржевской и т. д.⁴⁷ То есть территория страны воображаемо делилась на локальные единицы, в реальности никогда не существовавшие, и демонстрация этих единиц под управлением государевых наместников давала в дипломатической практике какие-то преимущества. Перед нами дипломатический спектакль. Он явно предназначен для международной аудитории. В данном случае — аристократы ВКЛ часто фигурируют на переговорах с собственными титулами, в которых они выступают «державцами» или старостами той или иной земли. Превращая сына боярского в «наместника Ржевского», русская дипломатия добивалась титулатурного паритета.

В то же время, стоит подчеркнуть, что эти дискурсивные практики несут в себе и имперский потенциал, и потенциал развития в композитарную монархию. Имперский сценарий реализуется, если государство идет путем выстраивания иерархии территорий. Оно или обзаводится внешними колониями (вариант Испании и Британии, которые были одновременно и композитарными монархиями, и колониальными империями), или искусственно создает ситуацию «внутренней колонизации», выстраивая территории в определенном порядке, когда одни начинают эксплуатировать другие. Композитарный сценарий, если под композитарностью мы понимаем дистрибуцию суверенитета от центра к регионам, а не просто многосоставность, предполагает передачи части прав центра в регионы для большей эффективности управления путем сохранения и развития местных советов знати, локальных обычаев и законов, делегирование полномочий через представителей регионов в центральных органах власти и т. д. (это вариант Речи Посполитой).

Первую попытку внутренней колонизации и выстраивания иерархии регионов мы видим в опричнине (1565), в разделении страны на опричнину и земщину и обложение земцев различными повинностями в пользу опричников. Мысль о трактовке опричнины как первом имперском опыте была в 1965 г. высказана С.М. Каштановым, но она прозвучала вскользь, в рецензии, на страницах неакадемического журнала⁴⁸, и развития не получила. Нам она кажется весьма перспективной. Недаром современники, говоря о главной характеристике опричнины, в один голос говорят о «разделении» земли, которое противопоставляется объединительной политике прежних русских правителей. Проблема «разделенья» получила развитие в Смуту, когда страна разделилась на терри-

⁴⁷ Филлюшкин А. И. Титулы... С. 211–219.

⁴⁸ Каштанов С. М. Книга о русском войске XVI века [Рец. на кн.: Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. 536 с.] // Военно-исторический журнал. 1965. № 12. С. 89

тории, поддерживающие «царя Дмитрия», Василия Шуйского, королевича Владислава и т. д. и земли, выступавшие против «легитимного царя».

Важно подчеркнуть, что многосоставность, «схождение всех земель» в православном царстве осмыслялось в провиденциалистских, а не политических понятиях. Интуитивно рисуется образ Руси как Вселенной, мирового центра⁴⁹:

«...и вси концы земнии устрашилися, и от многих стран цари и царевичи, и иных великих державцов дети, к нашему царю и государю прихажоу, своею волею служить, на его ласку и великое жалование, и грады наша и страны мирны быша и без мятежа пребываху, а казанские уроженые князи, и мырзы, и сеиты, и уланы, и все чиновные люди сами своей волею служить к нашему благочестивому царю приидоша, Божиим промыслом и православного царя нашего страхом, и неотступны быша» (грамота митрополита Макария к походу на Казань, 1552 г.)⁵⁰.

На эту идею работала и династическая легенда о происхождении Рюриковичей — согласно «Сказанию о князьях владимирских», их легендарный предок кесарь Август «обладал всею Вселенною» (в то время это было синонимично Великой Римской империи). Смысл власти православного царя, объединяющего всех правильно верующих христиан, был именно в претензии на ее вселенский характер. В послании Ивана IV к императору Максимилиану (1566) говорится, что после победы над турками русский царь и император Священной Римской империи будут править всем миром⁵¹. В 1576 г. Иван IV в послании к императору Максимилиану II провозгласил, что через соединение военных и дипломатических усилий Священной Римской империи и России выгнать «неверных людей» «за Арапы и до Азии», и тогда бы «все царство Греческое на всход солнца к нам пришло»⁵².

Идеи Вселенной, православного царства и Империи очень близки, но композитарная монархия с ее правовыми нормами и фискальной прагматичностью от них далека.

В послании патриарха Иова грузинскому царю Александру (1589) говорится о желании Иберийского царства (Картли) быть пожалованным, взятым «под государеву руку», «в свое царское достояние». Речь шла о защите — чтобы астраханские и терские воеводы обороняли Иберию от врагов⁵³. Иберийское царство еще в XV в. видело в Руси обитель православия, а царь Александр в 1483 (1491?) г. называл себя «недостойным» «малым холопом» Ивана III в очень цветистых выражениях:

«Темным еси свет зеленого неба звезда еси, христьянская еси надежа, веры наши крепости, всесветлый государь, всем еси государем прибежище, всем еси государем закон, бедным еси подпора и бесерменом еси надея, зауконной земли грозный государь, всем еси князем съправедливая управа, всем князем вышний князь, земли еси тишина, обетник еси Николин...»⁵⁴

Похожей была политика в отношении лопарей: поставить церкви, оправлять обряды, защищать население от агрессии соседей (от корелян, варзужан, двинян). Правда, за огромные деньги: крещение стоило куницу, свадьба или венчание — по черному песцу

⁴⁹ Ср. Дьяконов М. А. Власть московских государей... С. 88–89.

⁵⁰ АИ. Т. 1. № 159. С. 288.

⁵¹ ДПИГ. Т. 1. Кн. 1. № 63. С. 180–182.

⁵² ДПИГ. Т. 1. Кн. 1. № 102. С. 283.

⁵³ АИ. Т. 1. № 227. С. 430

⁵⁴ Русский феодальный архив. М., 1986. № 71. С. 231.

или по 10 белок⁵⁵. Цены, конечно, совершенно несоизмеримые с обрядами в русских городах и деревнях.

В этих формулах невозможно усмотреть композитарную монархию, зато перед нами классическая имперская парадигма: отказ региона от суверенитета и принятие в подданство в более сильную державу в обмен на защиту, которую предоставляет новый сюзерен.

Однако из вышеописанных идей империя еще не вытекала. Империи строятся практическими деяниями. Перерастание вотчинно-данической политики по отношению к регионам в политику, похожую на имперскую, было связано с рядом причин. Первая — христианизация неправославных регионов. Изначально в присоединенных землях (Казань, Астрахань, Ливония) православие выстраивалось как параллельная структура, необходимая в основном для русских гарнизонов. Население к перекрещиванию не принуждали, хотя оно поощрялось, особенно в Поволжье. Однако все больше приходило понимание, что именно распространение православия закрепляет регионы в составе страны. Религия выступала главным инструментом унификации, социальная политика была менее успешной. Вятчан призывали к покорности великому князю как христиан, под угрозой церковного отлучения (1452, 1486–1489)⁵⁶. В Перми Великой деятельность наместников ограничивалась в угоду монастырям, то есть светская власть уступала долю влияния церковным структурам как более эффективным⁵⁷.

Ситуация меняется после казанских восстаний в 1580-е гг., когда стало ясно, что консервация социальных порядков чревата сохранением массы нелояльного населения, которое только делает вид, что оно покорилось. Выход увидели в обращении в православие. Ливония к тому времени была уже потеряна, зато с 1590-х гг. начинается политика распространения христианства среди нерусского населения бывших земель Казанского ханства⁵⁸. Это мероприятия переформатирования нерусских подданных под лекала государственного центра, и в них уже можно увидеть черты будущей империи. Но никак не композитарной монархии. Казанская земля остается регионом, составной частью Московского царства. Только это царство переформатирует ее под свои запросы, проблема делегирования суверенитета и признания прав коренного населения не обсуждается никак.

Вторая причина лежит в области идеологической легитимации присоединения новых земель. Земли, присоединённые Иваном III и Василием III, а также Казань, Астрахань, Ливония присоединялись как вотчины, как некогда утраченные, но генетически «наши земли». Однако во второй половине XVI в. появляются приобретения, применительно к которым вотчинный дискурс просто не работал. Это «Поле» (продвижение на юг, на земли между Русью и Крымским ханством), и в особенности Сибирь. Эти земли было никак нельзя отнести к древнерусскому наследию, восстанавливаемой вотчине Рюриковичей. Нужны были новые идеи, новые основания, новые дискурсивные и социальные практики.

Третья причина самая главная — необходимость выработки новой политики в регионах. Объединение территорий под властью Москвы, единого центра, изначально не

⁵⁵ ААЭ. Т. 1. № 288. С. 334.

⁵⁶ АИ. Т. 1. № 97. С. 141–142; № 98. С. 142–143; № 261. С. 490–491.

⁵⁷ АИ. Т. 1. № 207. С. 397–398.

⁵⁸ ААЭ. Т. 1. № 358. С. 436–439.

было концептуальным — ни имперским, ни композитарным, ни каким-то еще. Оно было во многом стихийным и вызванным многими факторами, от простого желания добычи, захвата владений соседа до превентивной защиты от потенциальных угроз. Соседних врагов проще было ликвидировать, чем десятилетиями жить в ожидании очередного набега. Здесь важно, о чем мы уже писали, что на пути своей экспансии Русь / Россия долгое время не упиралась в естественные границы пределов своего расширения, и что она сталкивалась с противником, носителем более низкой политической культуры и слабой политической субъектности. Практически не возникало ситуаций, когда договариваться было проще, чем подавить, когда с обычаями присоединяемой земли надо было бы считаться и выстраивать отношения, характерные для композитарной монархии. Контрагент оказывался не контагент, были слишком неразвит и слаб. С ним можно не считаться, а проще было применять традиционные, вотчинные схемы интеграции: военный захват, силовое свержение местной власти, «перебор людишек» через миксирование элит, переселения, отправка на дальнюю службу, наделение земель в отдаленных местностях и т. д.

Но по мере роста объемов территорий эти схемы все больше переставали удовлетворять и работать, надо было искать новые — и полигоном для поиска новой политической практики стали Сибирь и земли будущей Восточной Европы, присоединенные в ходе конфликтов с Речью Посполитой и Турцией в XVII в. В ходе этого поиска и будет формироваться та культура отношений, которая в XVIII столетии предстанет Российской империей. Предыдущий период, XVI–XVII вв., мы предложили назвать «Российской неонатальной империей», то есть государством, обладающим собранными территориями, но еще применяющем архаическую практику управления ими и социумом, проживающих на этих территориях, и только вырабатывающим объяснительные системы и дискурсы, с помощью которых этот новый социальный порядок будет реализовываться, и которые позже назовут имперской идеологией⁵⁹.

Конечно, перечислением этих факторов причины поворота России на путь строительства империи не исчерпывается, да их все и невозможно раскрыть в рамках одной статьи. Мы не анализировали институты управления, социальную политику и другое. В течение «долгого XVI века» постепенно отлаживаются механизмы экономической и социальной колонизации территорий, сперва незанятых или малозанятых (монастырская колонизация Русского Севера), а потом и земель, за которые приходилось бороться с конкурентами. Здесь несомненно важная роль Строгановых, объединивших завоевание и экономическую выгоду, извлекаемую не только из трофеев, но из вовлечения новых земель в экономический оборот⁶⁰. Экономические причины поворота на путь империи были связаны как с механизмами колонизации новых территорий, так и со спецификой русского института собственности. Но это тема отдельного обстоятельного исследования.

Подводя итог, заметим, что источники однозначно свидетельствуют только об одном: Российское государство «долгого XVI века» находилось в точке бифуркации, выбора глобальной политической модели. Оно строилось не по какой-то заданной формуле. Его развитие определялось текущей ситуацией, в которой наиболее оптимальный путь опре-

⁵⁹ Филюшкин А. И. Московская неонатальная империя... С. 5–20.

⁶⁰ ДАИ. Т. 1. № 118–121, 126, 138. С. 170, 230.

делялся политической интуицией правящей элиты и ее возможностями. Эта интуиция основывалась на пережитом опыте, православном мировоззрении и идеализации принципов неизменяемости, политической и социальной устойчивости («старинны» русских источников). При выборе пути как бы перебирались варианты, какой эффективнее и доступнее для реализации. Нам кажется, что вариантов, предлагающих движение в сторону строительства империи, было предоставлено России гораздо больше, чем робких и еле угадываемых проблесков композитарной модели (вроде территориальной структуры Государева двора, о которой пишет В. В. Пенской). И был сделан выбор в их пользу потому, что он был проще, легче, а, главное, эффективней в ближайшей перспективе.

Россия превращалась в империю не из-за ее «агрессивной» природы или имманентно враждебных замыслов в отношении соседей, а в силу того, что в данных исторических условиях и контекстах это был самый естественный и оптимальный путь. Но этот процесс не был одномоментным. Он оказался растянут с конца XV по начало XVIII в. (когда в 1721 г. оформление империи было провозглашено официально). Он совпал с периодом, в который происходило становление и России как раннемодерного государства (в варианте неонатальной империи), и складывание раннемодерной русской нации.

Информация о статье

Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ, № 24-28-00538: «Понятия и категории в социально-политическом дискурсе государств Восточной Европы в Раннее Новое время».

Автор: Филушкин, Александр Ильич — доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, Orc ID 0000-0003-2456-7514, Researcher ID F-9139-2013, Scopus ID 55336577600, Spin-код 1117-2468; e-mail: a.filushkin@spbu.ru

Заголовок: Российское государство позднего Средневековья и раннего Нового времени в понятиях древних и новых.

Резюме: Дискуссия о характере Русского государства в историографии ведется в терминах и категориях науки Нового и Новейшего времени. В советской историографии ключевым стало понятие Русского централизованного государства. В институциональном плане его определяли как сословно-представительную монархию. Среди зарубежных историков была распространена трактовка Московской Руси как империи. В связи с развитием взгляда на Европу Раннего Нового времени как Европу композитарных монархий, развернулась полемика, можно ли применить данную концепцию к истории Российского царства. Настоящая статья продолжает данную дискуссию. Автор считает, что эвристический потенциал концепции композитарной монархии в том, что она обращает внимание на особый характер отношений центра и региональных элит в некоторых государствах раннего Нового времени. Такое государство слабое в плане вертикали власти, но в нем нет сепаратизма из-за отсутствия негативного влияния центра на регионы, создания иллюзии, что с локальными группами считаются (что активно поддерживается соответствующей политической и правовой риторикой). Регионы заключают что-то вроде негласного договора с центром, они не подвержены сепаратизму и чувствуют себя в составе композитарной монархии гораздо комфортнее, чем при империи или унитарном государстве. Если, говоря о композитарности, мы на первый план выдвигаем многосоставность, пренебрегая социально-политической составляющей, то понятие композитарности теряет научный смысл. В общем-то все государства раннего Нового времени были в той или иной форме многосоставными, меняли свои границы, вбирали в себя новые территории и т.д. Но принципы отношений центра и регионов были разными: империя, унитарное государство, композитарная монархия. В статье анализируется понятие «всёя Руси» как ключевое для понимания, как в Московском государстве трактовалась многосоставность, концепция собирания русских земель, власть российского монарха как власть над Вселенной. Автор приходит к выводу, что Российское государство «долгого XVI века» находилось в точке бифуркации, выбора глобальной политической модели. Его развитие определялось текущей ситуацией, в которой наиболее оптимальный путь определялся политической интуицией правящей элиты и ее возможностями. Эта интуиция основывалась на пережитом опыте, православном мировоззрении

и идеализации принципов неизменяемости, политической и социальной устойчивости («старины» русских источников). При выборе пути как бы перебирались варианты, какой эффективнее и доступнее для реализации. Автор считает, что вариантов, предлагающих движение в сторону строительства империи, было предоставлено России гораздо больше, чем робких и еле угадываемых проблесков композитарной модели.

Ключевые слова: империя, композитарная монархия, понятие «вся Русь», раннемодерное государство, история понятий.

Литература, использованная в статье:

- Горский, Антон Алексеевич. Русские земли в XIII–XIV вв.: Пути политического развития. Москва: Изд. центр ИРИ, 1996. 126 с.
- Граля, Иероним. «Не-империя»: Великое княжество Литовское в польской исторической памяти // *Ab Imperio*. 2004. № 4. С. 491–506.
- Данилевский, Игорь Николаевич. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). Москва: Аспект Пресс, 1998. 399 с.
- Ерошкин, Николай Петрович. История государственных учреждений дореволюционной России. Москва: Высшая школа, 1983. 352 с.
- Кашистанов, Сергей Михайлович. Книга о русском войске XVI в. [Рец. на кн.: Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. 536 с.] // Военно-исторический журнал. 1965. № 12. С. 87–90.
- Коллманн, Нэнси Шилдс. Россия и ее империя. 1450–1801. Бостон: Academic Studies Press; Санкт-Петербург: Библиороссика, 2023. 780 с.
- Кром, Михаил Маркович. Несколько замечаний по поводу концепции «композитной монархии» и ее применимости к Московскому государству конца XV–XVI в. // *Canadian-American Slavic Studies*. 2022. Vol. 56. P. 461–478.
- Кучкин, Владимир Андреевич. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. Москва: Наука, 1984. 349 с.
- Назаров, Владислав Дмитриевич. Служилые князья Северо-Восточной Руси в XV веке // *Русский дипломатический*. Вып. 5. Москва: Памятники исторической мысли, 1999. С. 175–196.
- Носов, Николай Евгеньевич. Становление сословно-представительных учреждений в России: изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. 602 с.
- Паламарчук, Анастасия Андреевна; Федоров, Сергей Егорович. Конструирование средневековых территориальных автономий: реальность и дискурсы раннего Нового времени // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. 2021. Вып. 75. С. 394–402.
- Федоров, Сергей Егорович. Раннешотландская монархия и ее композиты // *Мнемон*. 2013. Вып. 12. С. 473–484.
- Филошкин, Александр Ильич. Московская неонатальная империя: к вопросу о категориях политической практики // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История*. 2009. Вып. 2. С. 5–20.
- Филошкин, Александр Ильич. Титулы русских государей. Москва; Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2006. 254 с.
- Хорошкевич, Анна Леонидовна. Отражение представлений о регионах государства вся Русь и Российского царства в великокняжеской и царской титулатуре XVI вв. // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. 2004. Bd. 63. С. 103–125.
- Черепнин, Лев Владимирович. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. Москва: Соцэкгиз, 1960. 899 с.
- Черепнин, Лев Владимирович. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Т. 1. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1948. 472 с.
- Черепнин, Лев Владимирович. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Т. 2. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. 428 с.
- Шмидт, Сигурд Оттович. Становление российского самодержавства. Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. Москва: Мысль, 1973. 359 с.
- Backerra, Charlotte. Personal union, composite state and «multiple rule» // *The Routledge History of Monarchy*. London; New York: Routledge, 2019. P. 89–111.
- Backus, Oswald. Was Muscovite Russia Imperialistic? // *The American Slavic and East European Review*. 1954. Vol. 13. No 4. P. 522–534.
- Cherniavsky, Michael. Khan or Basileus: An Aspect of Russian Mediaeval Political Theory // *Journal of the History of Ideas*. 1959. Vol. 20. No 4. P. 459–476.

- Elliott, John.* A Europe of Composite Monarchies // Past & Present. 1992. No 137. The Cultural and Political Construction of Europe. P. 48–71.
- Filyushkin, Aleksander.* Why Did Russia Not Become a Composite State? // Russian History. 2020. Vol. 47. P. 201–223.
- Hellie, Richard.* The structure of Russian imperial history // History and Theory. 2005. Vol. 44. No 4. P. 88–112.
- Hosking, Geoffrey.* Russia: People and Empire 1552–1917. Cambridge, Mass.: Harvard univ. press, 1997. 548 p.
- Koenigsberger, Helmut.* Monarchies and Parliaments in Early Modern Europe Dominium Regale or Dominium Politicum et Regale // Theory and Society. 1978. Vol. 5. No 2. P. 191–217.
- Kumar, Krishan.* Nation-states as empires, empires as nation-states: two principles, one practice? // Theory and Society. 2010. Vol. 39. No. 2. P. 119–143;
- Lamb, Harold.* The March of Muscovy: Ivan the Terrible and the Growth of the Russian Empire: 1400-1648. New York: Doubleday, 1948. 309 p.
- Lehtovirta, Jaakko.* Ivan IV as Emperor: The Imperial Theme in the Establishment of Muscovite Tsardom. Turku: University of Turku, 1999. 387 p.
- Lipich, Tamara, Penskoy, Vitaly, Lipich, Vasily, Penskaya, Tatiana.* The Reign of Ivan the Terrible: From «Patrimonial State» to «Composite Monarchy» // The Social Sciences (Pakistan). 2016. Vol. 11. P. 2421–2424.
- Nowak, Andzhej.* Od Imperium do Imperium. Spojrzenia na historię Europy Wschodniej, Kraków: Arcana; Warszawa: Inst. historii PAN w Warszawie, 2004. 399 s.
- Pelensky, Jaroslaw.* Muscovite Imperial Claims to the Kazan Khanate // Slavic Review. 1967. Vol. 26. P. 559–576.
- Pelensky, Jaroslaw.* Russia and Kazan: Conquest and Imperial Ideology (1438–1560s). The Hague and Paris: Mouton, 1974. 368 p.
- Peltz, Woiciech.* Суверенность государства в практике и доктрине политической Руси Московской XIV–XVI в. Zielona Góra: Wydaw. wyższej szkoły ped. im. T. Kotarbińskiego, 1994. 331 s.
- Romaniello, Matthew.* Ethnicity as Social Rank: Governance, Law, and Empire in Muscovite Russia // Nationalities Papers. 2006. Vol. 34. No. 4. P. 447–469.
- Romaniello, Matthew.* The Elusive Empire: Kazan and the Creation of Russia, 1552–1671. Madison, Wis.; London: The University of Wisconsin Press, 2012. 297 p.
- Russell, Conrad.* Composite monarchies in Early Modern Europe. The British and Irish example // Uniting the kingdom? The Making of British History / Ed. by A. Grant, K. Stringer. London: Routledge, 1995. P. 133–146.
- Sashalmi, Endre.* Russia as a Fiscal-Military and a Composite-Dynastic State, 1654–1725 (An Outline) // State and Nation in Russia and Central-East-Europe / Ed. by G. Szvák Budapest: Russica Pannonica, 2009. S. 1–13;
- Yun-Casalilla, Bartolomé.* Iberian World Empires and the Globalization of Europe 1415–1668. Singapore: Palgrave Macmillan, 2019. 520 p.

Information about the article

The study was supported by the Russian Science Foundation No. 24-28-00538: «Concepts and Categories in the Socio-Political Discourse of the States of Eastern Europe in the Early Modern Times».

Author: Filyushkin, Alexander Ilyich — Dr. Sc. in History, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, Orc ID 0000-0003-2456-7514, Researcher ID F-9139-2013, Scopus ID 55336577600, Spin-code 1117-2468; e-mail: a.filyushkin@spbu.ru

Title: The Russian state of the Late Middle Ages and Early Modern Times in ancient and contemporary concepts.

Abstract: The discussion of the nature of the Russian state in historiography is conducted in terms and categories of the science of the Modern and Contemporary Times. In Soviet historiography, the key concept was the Russian centralized state. In institutional terms, it was defined as an estate-representative monarchy. Among foreign historians, the interpretation of Muscovite Rus» as an empire was widespread. In connection with the development of the view of Early Modern Europe as a Europe of composite monarchies, a controversy arose as to whether this concept could be applied to the history of the Russian Tsardom. This article continues this discussion. The author believes that the heuristic potential of the composite monarchy concept is that it draws attention to the special nature of the relationship between the center and regional elites in some states

of the early Modern Times. Such a state is weak in terms of the vertical of power, but there is no separatism in it due to the absence of a negative influence of the center on the regions, the creation of an illusion that local groups are taken into account (which is actively supported by the corresponding political and legal rhetoric).

Key words: empire, composite monarchy, concept of «all Rus», early modern state, history of concepts

References:

- Backerra, Charlotte. Personal union, composite state and «multiple rule», in *The Routledge History of Monarchy*. London; New York: Routledge, 2019. Pp. 89–111.
- Backus, Oswald. Was Muscovite Russia Imperialistic?, in *The American Slavic and East European Review*. 1954. Vol. 13. No 4. Pp. 522–534.
- Cherepnin, Lev Vladimirovich. *Obrazovanie Russkogo centralizovannogo gosudarstva v XIV–XV vv. Ocherki social'no-yekonomicheskoy i politicheskoy istorii Rusi* [Formation of the Russian centralized state in the XIV–XV centuries. Essays on the socio-economic and political history of Rus]. Moscow: Socyegiz, 1960. 899 p. (in Russian).
- Cherepnin, Lev Vladimirovich. *Russkiye feodal'nye arhivy XIV–XV vekov* [Russian feudal archives of the XIV–XV centuries]. T. 1. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1948. 472 p. (in Russian).
- Cherepnin, Lev Vladimirovich. *Russkiye feodal'nye arhivy XIV–XV vekov* [Russian feudal archives of the XIV–XV centuries]. T. 2. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1951. 428 p. (in Russian).
- Cherniavsky, Michael. Khan or Basileus: An Aspect of Russian Mediaeval Political Theory, in *Journal of the History of Ideas*. 1959. Vol. 20. No 4. Pp. 459–476.
- Danilevskiy, Igor' Nikolaevich. *Drevnyaya Rus' glazami sovremennikov i potomkov (IX–XII vv.)* [Ancient Rus' through the eyes of contemporaries and descendants (IX–XII centuries)]. Moscow: Aspekt Press, 1998. 399 p. (in Russian).
- Elliott, John. A Europe of Composite Monarchies, in *Past & Present*. 1992. No 137. The Cultural and Political Construction of Europe. Pp. 48–71.
- Eroshkin, Nikolay Petrovich. *Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdeniy dorevolucionnoy Rossii* [History of state institutions of pre-revolutionary Russia]. Moscow: Vysshaya shkola, 1983. 352 p. (in Russian).
- Fedorov, Sergey Egorovich. Rannestyuartovskaya monarhiya i ee kompozity [The Early Stuart Monarchy and its Composites], in *Mnemon*. 2013. Vol. 12. Pp. 473–484. (in Russian).
- Filyushkin, Aleksandr Il'ich. Moskovskaya neonatal'naya imperiya: K voprosu o kategoriakh politicheskoy praktiki [Moscow's Neonatal Empire: Towards the Question of Categories of Political Practice], in *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Ser. 2. Istoriya. 2009. Vol. 2. Pp. 5–20. (in Russian).
- Filyushkin, Aleksandr Il'ich. *Tituly russkikh gosudarey* [Titles of Russian sovereigns]. Moscow; Saint-Petersburg: Al'yans-Arheo, 2006. 254 p. (in Russian).
- Filyushkin, Alexander. Why Did Russia Not Become a Composite State? in *Russian History*. 2020. Vol. 47. Pp. 201–223.
- Gorskiy, Anton Alekseevich. *Russkiye zemli v XIII–XIV vv.: Puti politicheskogo razvitiya* [Russian lands in the XIII–XIV centuries: Ways of political development]. Moscow: Izd. centr IRI, 1996. 126 p. (in Russian).
- Gralya, Ieronim. «Ne-imperiya»: Velikoe knyazhestvo Litovskoe v pol'skoy istoricheskoy pamyati [«Not an Empire»: The Grand Duchy of Lithuania in Polish Historical Memory], in *Ab Imperio*. 2004. № 4. Pp. 491–506. (in Russian).
- Hellie, Richard. The structure of Russian imperial history, in *History and Theory*. 2005. Vol. 44. No 4. Pp. 88–112.
- Horoshkevich, Anna Leonidovna. Otrazhenie predstavleniy o regionakh gosudarstva vseya Rusi i Rossiyskogo carstva v velikoknyazheskoy i carskoy titulature XVI vv. [Reflection of ideas about the regions of the state of all Rus' and the Russian kingdom in the grand ducal and royal titles of the 16th centuries.] in *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. 2004. Bd. 63. Pp. 103–125. (in Russian).
- Hosking, Geoffrey. *Russia: People and Empire 1552–1917*. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1997. 548 p.
- Kashtanov, Sergey Mikhailovich. *Kniga o russkom voyske XVI v. (Rec. na kn.: Zimin A.A. Oprichnina Ivana Groznogo. M., 1964. 536 s.)* [A book about the Russian army of the 16th century. Review on the book: Zimin A. A. Oprichnina of Ivan the Terrible. Moscow, 1964. 536 p.], in *Voenno-istoricheskii zhurnal*. 1965. № 12. Pp. 87–90. (in Russian).
- Koenigsberger, Helmut. Monarchies and Parliaments in Early Modern Europe Dominium Regale or Dominium Politicum et Regale, in *Theory and Society*. 1978. Vol. 5. No 2. Pp. 191–217.

- Kollmann, Nyensi Shilds. *Rossiya i ee imperiya. 1450–1801* [Russia and its empire. 1450–1801]. Boston: Academic Studies Press; Sankt-Peterburg: Bibliorossika, 2023. 780 p.
- Krom, Mihail Markovich. Neskol'ko zamechaniy po povodu koncepcii «kompozitnoy monarhii» i ee primenimosti k Moskovskomu gosudarstvu konca XV–XVI v. [A few comments on the concept of «composite monarchy» and its applicability to the Muscovite state of the late 15th–16th centuries], in *Canadian-American Slavic Studies*. 2022. Vol. 56. Pp. 461–478. (in Russian).
- Kuchkin, Vladimir Andreevich. *Formirovanie gosudarstvennoy territorii Severo-Vostochnoy Rusi v X–XIV vv.* [Formation of the state territory of North-Eastern Rus in the 10th–14th centuries]. Moscow: Nauka, 1984. 349 p. (in Russian).
- Kumar, Krishan. Nation-states as empires, empires as nation-states: two principles, one practice?, in *Theory and Society*. 2010. Vol. 39. No. 2. Pp. 119–143.
- Lamb, Harold. *The March of Muscovy: Ivan the Terrible and the Growth of the Russian Empire: 1400–1648*. New York: Doubleday, 1948. 309 p.
- Lehtovirta, Jaakko. *Ivan IV as Emperor: The Imperial Theme in the Establishment of Muscovite Tsardom*. Turku: University of Turku, 1999. 387 p.
- Lipich, Tamara, Penskoj, Vitaliy; Lipich, Vasilyy, Penskaya, Tatiana. The Reign of Ivan the Terrible: From «Patrimonial State» to «Composite Monarchy», in *The Social Sciences (Pakistan)*. 2016. Vol. 11. Pp. 2421–2424.
- Nazarov, Vladislav Dmitrievich. Sluzhilye knyazya Severo-Vostochnoy Rusi v XV veke [Nobles of North-Eastern Rus in the 15th century], in *Russkiy diplomatiy*. Vol. 5. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., 1999. Pp. 175–196. (in Russian).
- Nosov, Nikolay Evgenyevich. *Stanovlenie soslovno-predstavitel'nykh uchrezhdeniy v Rossii: izyskaniya o zemskoy reforme Ivana Groznogo* [Formation of class-representative institutions in Russia: research on the zemstvo reform of Ivan the Terrible]. Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie, 1969. 602 p. (in Russian).
- Nowak, Andzhej. *Od Imperium do Imperium. Spojzrenia na historię Europy Wschodniej*, Kraków: Arcana; Warszaw: Inst. historii PAN w Warszawie, 2004. 399 p.
- Palamarchuk, Anastasiya Andreevna; Fedorov, Sergey Egorovich. Konstruiruya srednevekovye territorial'nye avtonomii: real'nost' i diskursy rannego Novogo vremeni [Constructing Medieval Territorial Autonomies: Reality and Discourses of the Early Modern Period], in *Dialog so vremenem. Al'manah intellektual'noy istorii*. 2021. Vol. 75. Pp. 394–402. (in Russian).
- Pelensky, Jaroslaw. Muscovite Imperial Claims to the Kazan Khanate, in *Slavic Review*. 1967. Vol. 26. Pp. 559–576.
- Pelensky, Jaroslaw. *Russia and Kazan: Conquest and Imperial Ideology (1438–1560s)*. The Hague and Paris: Mouton, 1974. 368 p.
- Peltz, Woiciech. *Suwerenność państwa w praktyce i doktrynie politycznej Rusi Moskiewskiej XIV–XVI w.* Zielona Góra: Wydaw. wyższej szkoły ped. im. T. Kotarbińskiego, 1994. 331 p.
- Romaniello, Matthew. Ethnicity as Social Rank: Governance, Law, and Empire in Muscovite Russia, in *Nationalities Papers*. 2006. Vol. 34. No. 4. Pp. 447–469.
- Romaniello, Matthew. *The Elusive Empire: Kazan and the Creation of Russia, 1552–1671*. Madison, Wis.; London: The University of Wisconsin Press, 2012. 297 p.
- Russell, Conrad. Composite monarchies in Early Modern Europe. The British and Irish example, in Grant A., Stringer K. (eds.) *Uniting the kingdom? The Making of British History*. London: Routledge, 1995. Pp. 133–146.
- Sashalmi, Endre. Russia as a Fiscal-Military and a Composite-Dynastic State, 1654–1725 (An Outline), in Szvák G. (ed.). *State and Nation in Russia and Central-East-Europe*. Budapest: Russica Pannonicana, 2009. Pp. 1–13.
- Shmidt, Sigurd Ottovich. *Stanovlenie rossiyskogo samodержavstva. Issledovanie social'no-politicheskoy istorii vremeni Ivana Groznogo* [Formation of the Russian autocracy. Research of the socio-political history of the time of Ivan the Terrible]. Moscow: Mysl' Publ., 1973. 359 p. (in Russian).
- Yun-Casalilla, Bartolomé. *Iberian World Empires and the Globalization of Europe 1415–1668*. Singapore: Palgrave Macmillan, 2019. 520 p.